

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Ректоръ Астраханской Духовной Семинаріи Архимандритъ Кирилль (некрологъ).

Почившій о. Ректоръ Астраханской Духовной Семинаріи Архимандритъ Кирилль (въ міръ Константинъ) родился въ с. Рябиновскомъ, Вятской губ. и уѣзда, отъ священника Михаила Лопатина 28 Апрѣля 1868 г. Первоначальное свое образованіе получилъ въ Вятскомъ духовномъ училищѣ и Вятской духовной семинаріи, откуда, какъ лучшій ученикъ и благонадежный во всѣхъ отношеніяхъ (въ семинарскомъ аттестатѣ по всѣмъ предметамъ, кромѣ церковнаго пѣнія, и по поведенію онъ отмѣченъ балломъ 5), для продолженія образованія былъ посланъ на казенный счетъ въ Казанскую Духовную Академію. Поступивъ въ Академію однимъ изъ первыхъ, молодой студентъ съ особеннымъ усердіемъ занялся изученіемъ академическихъ наукъ и не только посѣщаль лекціи, но, какъ видно, и внимательно записывалъ ихъ для себя. Вообще время академической жизни для него было временемъ усиленнаго духовнаго роста и развитія, которое особенно сказалось въ его письменныхъ работахъ, такъ называемыхъ семестровыхъ сочиненіяхъ, одно изъ коихъ, сохранившееся въ бумагахъ почившаго на тему: *Насколько состоятельно ученіе Канта о нравственности*, отмѣчено балломъ 5. При всемъ томъ онъ не былъ сухимъ ученикомъ, какъ это можно было бы ожидать отъ его усердныхъ занятій. Его юношески живой и отзывчивый характеръ отдавалъ дань молодости и онъ не чуждался, какъ свидѣтельствовалъ и самъ, приличныхъ развлеченій и добрыхъ знакомыхъ, любилъ слушать музыку (какъ это было и здѣсь въ Астрахани) и вообще, какъ отзывается о немъ одинъ изъ свидѣтелей его жизни, могъ называться отчасти даже свѣтскимъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе эта „свѣтскость“ свидѣтельствовала только о живости и отзывчивости его характера, а въ глубинѣ души, можетъ быть даже

съ дѣтства, ему предносился образъ всецѣлаго служенія Церкви и Отечеству и отреченія отъ всѣхъ личныхъ радостей и утѣшеній. Онъ неизмѣнно пользовался за свои добрыя качества вниманіемъ товарищей, при окончаніи курса выразившихъ ему свою любовь поднесеніемъ подарка. Точно также внимательно было къ нему и начальство за его трудолюбіе и знанія, выразившіяся въ написаніи курсоваго сочиненія „Ученіе св. Афанасія Александрійскаго о Св. Троицѣ“, которое было удостоено по отзыву читавшихъ его профессоровъ академіи степени магистра богословія, а впослѣдствіи и преміи Митрополита Макарія, положенной за студенческія сочиненія. Вообще Константинъ Лопатинъ окончилъ академическое образованіе подъ № 11 и ему открывались далекія перспективы и для ученой дѣятельности, и для служебной—въ мірѣ. Но, какъ видно, ни то, ни другое его не прельщало, потому что „съ ясностью развитою и широкаго богословски образованнаго ума онъ постигъ суету міра, полного скорби и страданій“ и чрезъ нѣсколько дней по окончаніи академическаго курса, именно 22 Мая 1892 г. былъ постриженъ Высокопреосвященнымъ Казанскимъ Владиміромъ въ академической церкви въ монахи и получилъ имя Кирилла въ честь того же славянскаго Первоучителя, мірское имя коего ему было дано при св. крещеніи. 23 Мая о. Кириллъ посвященъ былъ въ іеродіаконы, а 29 Мая въ іеромонахи. И вотъ молодой инокъ, полный силъ духовныхъ и тѣлесныхъ и желанія употребить ихъ во славу Христа и Церкви, на пользу ближнимъ, ждалъ гласа, указующаго, куда его пошлетъ Господь. Не успѣлъ еще инокъ отдохнуть за вакантъ послѣ академическаго ученія и выпускныхъ экзаменовъ, какъ услышалъ гласъ, призывающій его въ столичный градъ св. Петра. Онъ немедленно выѣхалъ на этотъ зовъ, явился къ первосвятителю столичной церкви, Высокопреосвященному Митрополиту Палладію, который отечески принялъ юнаго питомца „своей“ академіи и чрезъ нѣсколько дней, согласно отзыву академіи, указывавшей на административныя способности іеромонаха Кирилла Лопатина, представилъ его Св. Синоду кандидатомъ на свободную вакансію инспектора С.П.Б. семинаріи, ко-

тору ю іеромонахъ Кирилль и заняль съ 6 Октября того же года. Новый инспекторъ при всей своей молодости проявилъ сразу свою энергическую дѣятельность, обративъ особенно вниманіе на соблюденіе чистоты и опрятности въ ученическихъ помѣщеніяхъ, а равно въ одеждѣ самихъ учениковъ, а также на то, чтобы всѣ продукты и припасы, поставляемые къ ученическому столу, были наилучшаго качества и доставлялись въ томъ именно количествѣ поставщиками, въ какомъ требовалось по условію, заключенному съ ними. Это — отличительная черта административной дѣятельности почившаго на всѣхъ мѣстахъ его службы — и въ С.П.В., и въ Сергіевскомъ Посадѣ, и въ Казани, и въ Астрахани. Всѣ мелочныя въ отдѣльности, но въ общемъ весьма важныя заботы и хлопоты объ удобствахъ жизни учащихъ вмѣстѣ съ надзоромъ за послѣдними занимали все время у о. инспектора, который былъ на ногахъ ежедневно съ 6 час. утра до 12 ч. ночи. Несмотря на эти ежедневныя занятія, онъ находилъ все-таки время для научныхъ трудовъ. Кромѣ составленія проповѣдей и подготовки къ печати своего магистерскаго сочиненія, онъ напечаталъ и издалъ брошюру: *„Противники монашескихъ обѣтовъ — Іовіанъ и Вигиланцій и обличеніе ихъ лжеученій бл. Іеронимомъ“*, С.П.В. 1894 года. Хотя о. Кирилль не пробылъ и года инспекторомъ семинаріи, такъ какъ 28 Сентября слѣдующаго года уже былъ назначенъ и. д. инспектора Московской Духовной Академіи, тѣмъ не менѣе онъ обратилъ на себя вниманіе Высшаго начальства своею дѣятельностію и былъ награжденъ отъ Св. Синода золотымъ наперстнымъ крестомъ. — На новомъ мѣстѣ его ожидала, безъ сомнѣнія, хотя почетная, но болѣе трудная и отвѣтственная, особенно для такого молодого человѣка, дѣятельность, требовавшая особеннаго такта и внимательности въ отношеніи къ студентамъ. Начальникомъ его былъ въ это время архимандритъ, нынѣ Преосвященный Епископъ Уфимскій Антоній, которому онъ долженъ былъ явиться достойнымъ помощникомъ. Кромѣ сего, на него какъ профессора, было возложено чтеніе студентамъ нравственнаго богословія. Всѣ эти обстоятельства въ совокупности должны были бы поставитъ въ затрудненіе и болѣе опытнаго админи-

стратора и ученаго, чѣмъ какимъ могъ быть въ это время 26 лѣтній о. іеромонахъ Кирилль, но, какъ показалъ опытъ, онъ вышелъ изъ этихъ затрудненій съ честію. Добросердечный и внимательный къ нуждамъ студентовъ, тактичный и правдивый въ обращеніи съ ними, точный, но разумный исполнитель распорядженій своего начальника, трудолюбивый ученый, какъ видно изъ его рукописей, усердно работавшій надъ составленіемъ лекцій по нравственному богословію, онъ вполнѣ оказался на своемъ мѣстѣ. Въ должности инспектора Московской Академіи о. архим. Кирилль состоялъ до 19 Октября 1895 г. немного болѣе года, когда состоялся переводъ его на должность ректора Казанской дух. семинаріи. Такимъ образомъ чрезъ два года по оставленіи студенческой скамьи о. Кирилль возвратился опять въ родную ему Казань, но уже въ санѣ архимандрита, въ качествѣ начальника средне-учебнаго духовнаго заведенія— ректора Казанской семинаріи—явленіе весьма рѣдкое въ лѣтописяхъ духовно-учебныхъ заведеній. Московская Академія разставалась съ нимъ съ сожалѣніемъ; на память отъ студентовъ онъ получилъ прекрасную англійскую біблію большого формата въ коленкоровомъ переплетѣ, а отъ начальника Академіи икону Преподобнаго Сергія Радонежскаго прекрасной художественной живописи въ древне-русскомъ стилѣ по золотому фону на кипарисной доскѣ. Въ Казани о. ректоръ Кирилль провелъ большую часть своей службы около 4 лѣтъ и Казани больше всего посвятилъ своихъ силъ, но въ Казани же и испыталъ, кажется, больше всего печали. Здѣсь онъ встрѣтилъ прежде всего знакомую, можно сказать, родственную обстановку, такъ какъ обучался въ этомъ городѣ 4 года и на лицо были почти всѣ его учителя по Академіи и много товарищей или знакомыхъ младше или старше его по наукѣ. Дѣятельность для него, какъ начальника заведенія и руководителя духовнаго юношества, имѣвшаго за собою уже нѣкоторую административную опытность, была безъ сомнѣнія не тяжела при его любви къ дѣлу и къ людямъ, при его умѣ и энергіи и онъ, какъ и вездѣ, прежде всего обратилъ вниманіе на матеріальную сторону—на содержаніе воспитанниковъ, улучшивъ для нихъ столъ, одежду, бѣлье,

заведши въ семинаріи даже серебряныя ложки. Затѣмъ онь перешель къ учебно-воспитательной части; при немъ значительно обновился составъ семинарскихъ преподавателей, увеличено, съ умноженіемъ воспитанниковъ, число лицъ инспекторскаго надзора, открыто Іоанно-Богословское попечительство о бѣдныхъ ученикахъ семинаріи, снабжавшее нуждающихся бесплатными квартирами, содержаніемъ, одеждой, книгами и тратившее на это довольно большія суммы. Кромѣ удовлетворенія нуждъ матеріальныхъ, о. ректоръ прилагалъ стараніе и къ удовлетворенію у воспитанниковъ потребностей умственныхъ и эстетическихъ. По его начинаію въ семинаріи читались публичныя лекціи по различнымъ богословскимъ вопросамъ съ пѣніемъ семинарскаго хора, равно какъ заведенъ оркестръ изъ воспитанниковъ семинаріи, для котораго выписано было изъ-за границы инструментовъ на нѣсколько сотъ рублей.— Не говоримъ уже о томъ благолѣтіи при богослуженіи, свидѣтелями котораго мы были и здѣсь, въ Астрахани, а равно о частомъ изустномъ проповѣданіи имъ слова Божія въ семинарскомъ храмѣ, къ чему о. ректоръ желалъ приучить и учениковъ семинаріи.— Кромѣ исполненія ближайшихъ обязанностей, дѣятельность о. ректора простиралась и за предѣлы вѣреннаго ему заведенія. Онь былъ назначенъ Епархіальнымъ Начальствомъ съ утвержденія Св. Синода отдѣльнымъ цензоромъ сочиненій духовенства Казанской епархіи, предназначаемыхъ къ печати, состоялъ цензоромъ проповѣдей, произносимыхъ въ кафедральномъ соборѣ, былъ предсѣдателемъ экзаменаціонной комиссіи по испытанію лицъ, ищущихъ священническаго и діаконскаго сана, членомъ Братства Св. Гурія, ревизовалъ Казанское духовное училище по учебно-педагогической части и пр. Но больше всего онь принималъ участіи въ заботахъ о благоустройствѣ церковно-приходскихъ школъ Казанской епархіи сначала по званію члена, а затѣмъ и предсѣдателя Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. Въ качествѣ предсѣдателя онь былъ дважды (въ 1896 и 1898 г.) организаторомъ и распорядителемъ на педагогическихъ курсахъ для учителей и двухъ-классныхъ школъ въ присутствіи Г. Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода Владимира Карловича Саблера

и многихъ епархіальныхъ наблюдателей, собравшихся въ Казань изъ разныхъ краевъ Россіи и однажды организаторомъ и распорядителемъ курсовъ для учителей одноклассныхъ школъ и съѣзда уѣздныхъ наблюдателей, за каковыя труды ему выражена благодарность и преподано архипастырское благословеніе Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ. 6 Мая 1898 г. за свои труды о. архимандритъ Кириллъ Высочайше сопричисленъ къ ордену св. Анны 3 степени, а 12 Августа слѣдующаго года опредѣленіемъ Св. Синода былъ назначенъ на должность ректора Астрах. семинаріи, гдѣ Господь и судилъ ему закончить земное странствіе.—Пріѣхалъ онъ въ Астрахань опечаленный, какимъ показался пишущему эти строки въ первый день его пріѣзда въ Ивановскомъ монастырѣ, гдѣ онъ остановился. Это было 1-го Сентября, а чрезъ нѣсколько дней къ утренней молитвѣ учениковъ явился въ семинарію новый о. ректоръ въ смиренномъ видѣ инока съ жезломъ, впослѣдствіи столь извѣстнымъ для всѣхъ въ семинаріи, прослушалъ внимательно молитву и по окончаніи ея обратился къ ученикамъ съ краткою рѣчью, въ которой выражалъ желаніе, чтобы они исполняли честно свои ученическія обязанности и относились довѣрчиво къ своему начальству; только тогда и возможны будутъ правильное воспитаніе и польза для нихъ отъ пребыванія въ учебномъ заведеніи. Затѣмъ о. ректоръ отправился въ семинарскій храмъ и въ сослуженіи о.о. инспектора, духовника и эконома семинаріи отправилъ молебень св. Зосимъ и Савватію Соловецкимъ и св. Алексію Человѣку Божію, памяти коихъ посвященъ семинарскій храмъ и тихо вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Слышавшіе объ его энергичной дѣятельности въ Казани и учащіе и учащіяся встрѣтили новаго о. ректора съ нѣкоторымъ смущеніемъ, въ ожиданіи новшествъ въ семинаріи. Проходили, однако, дни за днями, недѣля за недѣлями—никакихъ нововведеній не замѣчалось; только было видно желаніе у о. ректора ознакомиться съ семинаріей: во всѣхъ отношеніяхъ. Съ этою цѣлью онъ во всё время дня и даже ночью являлся въ семинарію и вступалъ въ бесѣды съ учениками по разнымъ предметамъ семинарской жизни. Ученикамъ сначала казалась

необычной такая близость къ нимъ о. ректора, но затѣмъ они привыкли и стали сами являться къ нему на квартиру со всякими ученическими нуждами, часто за матеріальною помощію и добрый о. ректоръ никогда въ ней никому не отказывалъ. Ознакомившись съ жизнью семинаріи, о. ректоръ началъ, видимо, отдыхать отъ своихъ казанскихъ впечатлѣній, о чемъ онъ сообщалъ и своимъ знакомымъ. Близкое и дружественное отношеніе образовалось у новаго о. ректора и съ членами семинарской корпораціи. Въ этомъ отношеніи онъ получилъ хорошее наслѣдство отъ своего предшественника, въ продолжительное управленіе коего семинаріей вся семинарская корпорація, не смотря на довольно частую перемѣну членовъ ея, сплотилась въ дружную семью, въ которой не было никакихъ раздѣленій и партій. Часто бывая у семинарскихъ преподавателей въ квартирахъ и приглашая ихъ къ себѣ въ праздничные дни послѣ литургіи на чай, о. ректоръ умѣлъ поддерживать эту взаимную связь безъ ущерба для власти и положенія начальника. Подготовивши такимъ образомъ почву для себя, онъ приступилъ къ дѣятельности. Точно такъ же, какъ и въ Казани, о. ректоръ обратилъ вниманіе прежде всего на улучшеніе стола и одежды казеннокоштныхъ учениковъ. Былъ выработанъ образецъ одежды для учениковъ семинаріи, улучшенъ столъ чрезъ прибавленіе къ обѣду ученикамъ 3-яго кушанья (въ постные дни оно было введено ранѣе при о. К. В. Истребовѣ), самый столъ сдѣланъ поразнообразнѣе, благодаря увеличенію епархіальныхъ средствъ на содержаніе семинаріи, отпущенныхъ по волѣ нашего благочестившаго Архипастыря, Преосвященнаго Сергія, поддерживающаго всѣ добрыя начинанія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Для вспоможенія бѣднымъ воспитанникамъ, а равно и для попеченія о благолѣпіи семинарскаго храма было открыто 23 Января 1900 года Попечительство, которое за годъ своего существованія успѣло собрать до 2000 руб. капитала и употребить на обновленіе ризницы въ храмѣ и на помощь бѣднымъ ученикамъ семинаріи — нѣскольکو сотъ рублей. Для болѣе удобнаго ученикамъ пользованія книгами изъ фундаментальной библіотеки былъ состав-

лень подь руководствомъ о. ректора, по образцу Казанскаго, каталогъ книгъ, одобренныхъ къ чтенію преподавателями семинаріи. Наконецъ, о. ректоръ положилъ прочное основаніе дѣлу о постройкѣ новыхъ зданій семинаріи ¹⁾, исходатайствовавъ у Епархіальнаго вѣдомства мѣсто для постройки новыхъ зданій и изготовивъ ходатайство предъ Св. Синодомъ о постройкѣ этихъ зданій по проекту, составленному архитекторомъ С. Карягинымъ и одобренному Собраніемъ Правленія съ участіемъ всѣхъ преподавателей, семинарскаго врача, почетнаго блюстителя по хозяйственной части и составителя проекта, состоявшимся 23 Ноября, наканунѣ его смерти, которой за три дня до сего онъ и самъ не ожидалъ, рассчитывая присутствовать въ этомъ засѣданіи...

Теперь мы дошли до неожиданной кончины о. ректора, послѣдовавшей послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни. Заболѣлъ о. ректоръ 12-го Октября и до 19-го лечился домашними средствами, когда обратился за помощію къ семинарскому врачу Н. С. Соколову, подь наблюденіемъ котораго находился до самой смерти. Болѣзнь о. ректора, по опредѣленію врача, подтвержденному на неоднократныхъ консультаціяхъ д-ромъ Крамеромъ, оказалась *инфлюэнціей тифознаго характера*. Недомоганіе о. ректора перешло въ болѣзнь съ 16 Октября, когда онъ во время крестнаго хода изъ семинаріи въ семинарскій храмъ съ иконой, сооруженной въ память чуда милости Божіей 17 Октября 1888 г., простудился очень сильно. О. ректоръ, бывшій до этого полубольнымъ, совершилъ только всенощное бдѣніе съ акаистомъ, а на другой день литургію служить не могъ и окончательно слегъ въ постель. Лечение болѣзни было правильное и съ 5 Ноября о. ректоръ началъ выздоравливать: температура стала нормальною, появился аппетитъ. Съ 15 Ноября о. ректоръ началъ ходить по комнатѣ, 17-го пригласилъ къ себѣ секретаря правленія для занятія дѣломъ о постройкѣ новыхъ зданій семинаріи и занимался съ нимъ около 2-хъ часовъ. 20 Ноября о. ректоръ собирался выйти въ первый разъ въ теченіе болѣзни въ семинарскій храмъ

¹⁾ Точно также имъ было начато дѣло о постройкѣ новыхъ зданій семинаріи въ Казани.

ко всеобщему бдѣнію, но по совѣту о. инспектора отложилъ это намѣреніе и счелъ болѣе безопаснымъ только начать посѣщать уроки съ 23 числа. Но 20 Ноября около 7 часовъ вечера о. ректоръ почувствовалъ отъ постной пищи сильныя боли въ животѣ, такъ какъ не сталъ употреблять по случаю поста скоромной пищи и позванный немедленно врачъ принялъ мѣры къ успокоенію ихъ; 21-го появились грозныя явленія перитонита (воспаленія брюшины) и 24 въ 9 часовъ утра наступила смерть.

Во все время болѣзни и даже въ день смерти о. ректоръ былъ въ полномъ сознаніи. Потерять сознаніе онъ больше всего не желалъ и объ этомъ безпокоился. 22 Ноября днемъ и вечеромъ у о. ректора были два доктора, которые послѣ осмотра его и совѣщанія сказали, что хотя прямой опасности нѣтъ, но слѣдовало бы его напутствовать. О. ректоръ и самъ выразилъ желаніе, чтобы 24-го была литургія, послѣ которой просилъ его причастить. Хотя никто не ожидалъ печальнаго исхода болѣзни, но въ то-же время всѣ стали опасаться всякихъ случайностей. Поэтому 23-го былъ приглашенъ духовникъ о. ректора о. іеромонахъ Антоній для исповѣди, а въ случаѣ ухудшенія болѣзни о. ректора о. духовникъ семинаріи, какъ живущій въ одномъ зданіи съ больнымъ, могъ во всякое время пріобщить его запасными Дарами. Въ тотъ-же день у о. ректора были снова два доктора, которые сказали, что можно исполнить желаніе о. ректора—напутствовать его 24-го. Не довольствуясь этимъ заключеніемъ двухъ врачей, о. духовникъ пригласилъ къ о. ректору знакомаго ему третьяго доктора, который пріѣхалъ вечеромъ подъ предлогомъ навѣстить больного. Этотъ врачъ сказалъ то-же, что и его коллеги, хотя призналъ положеніе больного ухудшившимся, въ виду ослабленія дѣятельности сердца. О семъ о. духовникъ немедленно сообщилъ о. инспектору, который тотчасъ (было 9¹/₂ часовъ вечера) назначилъ для дежурства при о. ректорѣ 4-хъ воспитанниковъ, по два изъ VI и V классовъ, которые должны были смѣнять другъ друга чрезъ три часа и въ случаѣ какихъ-либо осложненийъ съ больнымъ немедленно увѣдомлять о. духовника и о. инспектора. Вмѣстѣ

съ первыми двумя назначенными воспитанниками о. инспекторъ отправился въ квартиру о. ректора, гдѣ ему сообщили, что больной чувствуетъ себя слабымъ, но успокоился, почему о. инспекторъ и не счелъ удобнымъ беспокоить его. Ночью подъ 24 число о. ректоръ не спалъ и почти все время провелъ въ молитвѣ: дежурившіе у его постели воспитанники по его желанію прочитали ему утреню по часослову, положенные каноны и молитвы предъ св. причащеніемъ. Какъ молитвы, такъ и все остальное о. ректоръ выслушалъ съ полнымъ вниманіемъ и глубокимъ чувствомъ; во время чтенія утрени самъ произносилъ возгласы, а во время чтенія каноновъ и молитвъ онъ повторялъ нѣкоторыя выраженія изъ читаемаго, особенно тѣ, въ которыхъ изображается грѣховность и недостойнство, повторялъ ихъ съ измѣненіемъ, усиливая выраженія своего недостойнства. Какъ онъ не былъ слабъ, а утреннія и вечернія молитвы все время болѣзни прочитывалъ самъ, а когда не имѣлъ силы прочитывать все разомъ. то читалъ ихъ съ отдыхомъ. Чтеніе молитвъ прерывалось сильными болями у больного въ животѣ и онъ для успокоенія ихъ съ вѣрою и молитвеннымъ воззваніемъ возлагалъ на себя „святиню“—какъ онъ выражался, скуфейки и рукавички, освященные на мощахъ святыхъ Кіевскихъ, а также Митрофана Воронежскаго, Тихона Задонскаго и Θεодосія Черниговскаго (отъ коего имѣлась у него небольшая часть одежды) и чувствовалъ при этомъ облегченіе. Въ 4 часа утра о. духовникъ, отправляясь служить литургію, зашелъ навѣстить о. ректора и между прочимъ сказалъ ему, что идетъ служить. Около 6 часовъ утра о. духовникъ явился къ больному со св. Дарами. Приобщившись свѣтайнъ, о. ректоръ сказалъ, что чувствуетъ себя хорошо, что никакихъ болей, кромѣ слабости, у него нѣтъ, что онъ хочетъ спать, и потому просилъ оставить его одного. О. духовникъ ушелъ домой, попросивши учениковъ сообщить немедленно, если произойдетъ какая-либо перемѣна, а дежурившіе у постели больного остались въ сосѣдней комнатѣ. Расположеніе ко сну больного всехъ порадовало. Думалось, не переломъ-ли болѣзни наступилъ?.. Но векорѣ же о. духовнику сообщили, что съ о. ректоромъ начался бредъ. Онъ бредилъ почти обычнымъ своимъ голо-

сомъ, съ воодушевленіемъ и отчетливо произнося слова, какъ будто говорилъ рѣчь и такъ именно, какъ онъ обычно произносилъ рѣчи. Но рѣчь его была безсвязна; только изрѣдка онъ произносилъ предложенія, выражающія мысль. О. духовникъ позвалъ его. Онъ заплакалъ, глянулъ на о. духовника и сказалъ: „Это, вы, о. духовникъ?“ „Вамъ вредно много говорить“. — „Да, да, доктора запретили мнѣ говорить“. Послали за докторомъ, который, посмотрѣвши о. ректора, сказалъ, что нужно его соборовать. Въ это время пришелъ о. инспекторъ, который тотчасъ же отправился ко Владыкѣ доложить объ ухудшеніи состоянія здоровья о. ректора. Къ соборованію все уже заранѣе было приготовлено и оно вскорѣ же началось. О. ректоръ молился, но въ концѣ соборованія, видимо, вдругъ ослабѣлъ и когда о. духовникъ позвалъ его, онъ уже не отвѣчалъ. О. духовникъ началъ читать молитвы на исходѣ души. Въ это время о. ректоръ сталъ рѣдко дышать; наконецъ вздохнулъ въ послѣдній разъ и испустилъ духъ. Онъ умеръ тихо, покойно, безъ всякихъ вздрагиваній и только отсутствіе дыханія свидѣтельствовало о состояніи, въ которомъ онъ находился, — его смерти. — Въ безсознательномъ состояніи онъ находился около двухъ минутъ. — При послѣднихъ минутахъ о. ректора были о. духовникъ съ экономомъ семинаріи, совершавшіе соборованіе, одинъ изъ дежурныхъ учениковъ Шмариновъ V кл. и докторъ, а также вѣрный служитель о. ректора — Никифоръ.

Немедленно по кончинѣ тѣло почившаго было отерто губкою, смоченною въ елей о. духовникомъ, преподавателемъ священникомъ Н. Лѣтницкимъ и учителемъ пѣнія священникомъ Бѣлавинымъ, явившимися изъ класса при вѣсти о кончинѣ; затѣмъ тѣло было облачено въ чистыя одежды, приготовленныя покойнымъ на случай смерти, и въ іерейское облаченіе; вмѣсто фелони надѣли мантію, на голову клобукъ и положили на столъ въ залѣ. О. инспекторъ снова отправился къ Преосвященнѣйшему нашему Владыкѣ съ печальною вѣстію. Получивши столь печальную вѣсть, Владыка, будучи самъ сильно больнымъ, не могъ удержаться отъ скорби и тутъ же излилъ ее въ молитвѣ предъ Господомъ объ упокоеніи души новопреставленнаго священно-архимандрита

Кирилла. Затѣмъ Владыка сдѣлалъ необходимыя распоряженія объ отпѣваніи и погребеніи почившаго. Въ 11 часовъ дня приступили къ служенію первой панихиды облачавшіе покойнаго іереи съ о. инспекторомъ во главѣ, въ присутствіи всѣхъ собравшихся преподавателей и учениковъ. Три медленныхъ удара въ колоколь на семинарской звонницѣ возвѣстили и всѣмъ жителямъ г. Астрахани о безвременной кончинѣ о. ректора, слухъ о которой разнесся по городу весьма быстро и собралъ цѣлыя толпы народа, желавшаго отдать послѣдній долгъ почившему—поклониться ему и помолиться объ упокоеніи его души. Сряду же по окончаніи панихиды началось чтеніе надъ почившимъ св. евангелія семинарской братіей, которую смѣнили градскіе священники и діаконы, назначенные градскими благочинными согласно волѣ Владыки. Чтеніе это совершалось днемъ и ночью до выноса тѣла въ семинарскій храмъ для отпѣванія—26 Ноября и прерывалось только многочисленными панихидами, которыя съ утра до вечера служились и отдѣльными іереями и цѣлыми учрежденіями, неизвѣнно почти припѣвнн воспитанниковъ семинаріи, которые, можно сказать, не уходили изъ квартиры почившаго, мѣняясь только въ количествѣ. Кромѣ добровольцевъ, днемъ и ночью для наблюденія за порядкомъ дежурили при гробѣ по четыре воспитанника старшихъ классовъ, которые смѣнялись чрезъ два часа. На панихидахъ перебувало все городское духовенство, представители мѣстныхъ духовно-учебныхъ и свѣтскихъ заведеній, Епархіальный Училищный Совѣтъ и Астраханское ег. Отдѣленіе, Кирилло-Меѳодіевское Братство, монашествующая братія Ивановскаго и Благовѣщенскаго монастырей и множество народа. На одной изъ панихидъ, отслуженной членами Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, епархіальнымъ наблюдателемъ овищ. Ѳ. Архангельскимъ была сказана прочувствованная рѣчь. Его Превосходительство, Г. Начальникъ губерніи, Генералъ-Лейтенантъ М. А. Газенкампфъ вслѣдствіе болѣзни не могшій быть лично, поручилъ г. Полиціймейстеру выразить свое глубокое сожалѣніе семинарской корпораціи по поводу смерти о. Ректора.—Въ день смерти о. ректора вечеромъ былъ отслуженъ въ семинарскомъ хра-

мѣ парастасѣ, а на другой день заупокойная литургія въ присутствіи учениковъ и преподавателей семинаріи. Послѣ всенощнаго бдѣнія 25-го за панихидой тѣло почившаго о. инспектора съ сослужащими было положено въ бѣлый глазетовый гробъ и покрыто парчевымъ покрываломъ, къ ногамъ почившаго были возложены два металлическихъ вѣнка: „дорогому о. ректору отъ воспитанниковъ семинаріи“ и „отъ обучающихся въ церковно-приходскихъ школахъ“. 26-го Ноября въ 8^{1/2} час. утра изъ храма вышелъ крестный ходъ при трезвонѣ въ сопровожденіи 12 протоіереевъ и іереевъ съ о. кафедральнымъ протоіереемъ Н. И. Лѣтницкимъ во главѣ, съ протодіакономъ и діакономъ, при пѣніи семинарскаго хора и направился къ квартирѣ почившаго. Послѣ литіи, за которой было сказано слово ученикомъ VI класса Лепоринскимъ, тѣло почившаго на рукахъ іерейскихъ было перенесено съ крестнымъ ходомъ при трезвонѣ и пѣніи въ семинарскій храмъ, гдѣ собрались преподаватели всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, ученики и избранная публика, между прочимъ г.г. губернской предводитель дворянства, Х. Н. Хлѣбниковъ, директоръ гимназій В. Н. Смольяниновъ, директоръ реального училища г. Ольшамовскій, директоръ народныхъ училищъ К. М. Амосовъ, Н. В. Лавровъ, И. К. Петровъ, г. Полицеймейстеръ и многіе другіе представители администраціи и педагогическаго міра. По поставленіи гроба посреди храма, тотчасъ же началась заупокойная литургія, которую, а равно отпѣваніе, за сильною болѣзнію нашего Архипастыря, совершалъ о. Кафедральный протоіерей Н. И. Лѣтницкій въ сослуженіи о.о. Инспектора семинаріи священника С. Покровскаго и члена Правленія свящ. Т. Березина при умиленномъ пѣніи двухъ хоровъ архіерейскаго и семинарскаго. вмѣсто запричастнаго стиха говорилъ слово преподаватель семинаріи свящ. Н. Лѣтницкій на слова Премудр. Солом. IV, 14. Къ отпѣванію собралось, не смотря на воскресный день, почти все городское духовенство, всего до 30 человекъ. Предъ началомъ погребенія вышелъ на амвонъ о. Инспекторъ семинаріи и сквозь слезы сказалъ послѣднее слово своему усопшему начальнику. Подъ впечатлѣніемъ этого слова начался трогательный и рѣдкій въ Астрахани

чинъ иноческаго погребенія. Медленное провозглашеніе эктений объ упокоеніи души усопшаго низкимъ басомъ о. протодіакона, тихое, знаменное пѣніе антифоновъ правымъ хоромъ и стихирь на 8 гласовъ лѣвымъ хоромъ, прерываемое раздѣльнымъ чтеніемъ стиховъ и возгласами іереевъ, окружающихъ въ черныхъ облаченіяхъ бѣлый газетовый гробъ, молитвенные вздохи учениковъ и народа, при полномъ освѣщеніи храма въ сумракъ пасмурнаго дня — все это производило сильное впечатлѣніе на всѣхъ, которое еще болѣе усилилось послѣ рѣчей — преподавателя семинаріи Н. В. Лысогорскаго и ученика V кл. А. Попова, сказанныхъ во время погребенія. Особенно сильное впечатлѣніе произвело краткое слово послѣдняго, сказанное съ рыданіями въ голосъ, отъ которыхъ онъ не могъ удержаться при воспоминаніи о послѣдней предсмертной ночи, проведенной имъ въ бодрствованіи съ товарищемъ у одра умирающаго о. Ректора, заставлявшаго его читать утреню, каноны и молитвы предъ причащеніемъ... Чинъ отпѣванія окончился; началось прощаніе съ почившимъ священнослужителемъ и учениковъ, которые цѣловали у почившаго крестъ, Евангеліе и руку. Послѣ прощанія гробъ снова былъ вынесенъ изъ храма іереями съ крестнымъ ходомъ, въ которомъ воспитанники семинаріи въ стихаряхъ несли фонарь, подсвѣчники, хоругви, крестъ, икону Богоматери и митру почившаго. Черезъ семинарскія ворота при печальномъ перезвонѣ, при пѣніи семинарскимъ хоромъ стихирь „Кая житейская сладость“ процессія съ гробомъ, окруженнымъ воспитанниками семинаріи въ предшествіи многочисленнаго духовенства во главѣ съ о. Каѳедральнымъ протоіереемъ вышла на улицу, которая была вся наполнена народомъ, собравшимся въ такомъ множествѣ, что конная и пѣшая полиція вмѣстѣ съ пожарными, съ г. Полиціймейстеромъ во главѣ, съ громадными усиліями едва могла сдержать массу, стекшуюся со всего города помолиться и проводить покойнаго Ректора Семинаріи, благолѣпное служеніе и проповѣдь котораго многіе видѣли и слышали въ семинарскомъ храмѣ, всегда наполненномъ усердными богомольцами, а еще болѣе знавшими его по слуху, какъ инока истиннаго, нестяжательнаго и постника. Народъ не только наполнялъ улицу, но тѣ-

сиделся даже на крышахъ и балконахъ зданій, мимо коихъ шла печальная процессія. У семинарскаго параднаго входа процессія остановилась для молитвеннаго прощанія съ почившимъ; затѣмъ направилась по Рождественской улицѣ къ помѣщенію Кирилло-Меодоіевскаго Братства, членомъ Совѣта коего почившій былъ во все время служенія своего въ Астрахани; во дворѣ и около сего помѣщенія собралось нѣсколько церковно-приходскихъ школъ мужскихъ и женскихъ съ своими учителями и учительницами. Здѣсь гробъ былъ встрѣченъ о. Епархіальнымъ наблюдателемъ, сказавшимъ предъ литіей нѣсколько теплыхъ словъ о заслугахъ почившаго на пользу церковно-приходскихъ школъ Астраханской епархіи по должности предсѣдателя Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, а затѣмъ была отслужена краткая литія. Нѣсколько сотенъ дѣтскихъ голосовъ послѣ литіи пропѣли почившему вѣчную память. Затѣмъ процессія вышла на главную Екатерининскую улицу и направилась мимо Женскаго монастыря и Епархіальнаго женскаго училища, гдѣ были отслужены также литіи около монастырской церкви прот. М. Гусаковымъ при пѣніи хора монашествующихъ и около епарх. училища инспекторомъ Епарх. Училища свящ. А. Поповымъ при пѣніи хора ученицъ. У краснаго моста печальная процессія была встрѣчена братіей Іоанно-Предтеченскаго монастыря съ о. игуменомъ и новой группой нѣсколькихъ сотенъ учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ и снова отслужена была литія. Отсюда крестный ходъ съ духовенствомъ и воспитанниками I—IV классовъ возвратился обратно, а гробъ въ сопровожденіи воспитанниковъ VI и V кл. предпологалось, въ виду дальности разстоянія до мѣста погребенія и грязи по дорогѣ, поставить на катафалкъ, но многіе изъ толпы народа, сопровождавшей гробъ, не смотря ни на грязь, ни на дальность разстоянія, неотчетливо просили разрѣшенія пронести гробъ на рукахъ, хотя бы до послѣднихъ городскихъ зданій. Несмотря на позднее время—шелъ 3-й часъ дня—не было отказано въ такой трогательной просьбѣ и гробъ снова понесли въ сопровожденіи братіи Іоанно-Предтеченскаго монастыря сначала до сего монастыря, гдѣ о. игумень отслужилъ еще литію и наконецъ до послѣднихъ городскихъ зданій, гдѣ снова

отслужили литію предъ поставленіемъ гроба на катафалкъ, по желанію г. Полиційместера, до черты города сопровождавшаго гробъ. Отсюда гробъ на катафалкъ тихо направился по бѣлой равнинѣ, запорошенной выпавшимъ ночью снѣгомъ, мимо кладбища къ Покрово-Волдинскому монастырю — мѣсту послѣдняго упокоенія о. Ректора въ предшествіи о. іеромонаха Антонія, духовника почившаго и двухъ іеродіаконовъ съ свѣчами и кадилами, въ сопровожденіи о. Инспектора семинаріи, соборнаго Ключаря и значительной толпы народа, которая уменьшилась вслѣдствіе того, что многіе поѣхали въ монастырь на лошадяхъ. Во все время печальнаго шествія на городскихъ церквахъ, мимо которыхъ оно проходило, раздавался печальный перезвонъ и трезвонъ; такъ шествіе достигло стѣнъ Покровскаго монастыря, при одновременномъ звонѣ съ Кладбищенской, Монастырской и Казачебугровской церковью. Катафалкъ остановился. На встрѣчу вышла братія монастыря съ о. игуменомъ Мисаиломъ, воспитанники VI и V класса, семинарскіе пѣвчіе и преподаватели, а также множество народа, пріѣхавшаго туда равнѣ. Иноки сняли гробъ и послѣ совершенія литіи при пѣніи пѣвчихъ понесли черезъ св. врата къ свѣже вырытой могилѣ у лѣвой стороны алтаря главнаго монастырскаго храма. Отпѣли послѣднюю литію. По снятіи крышки съ гроба преподав. семинаріи А. А. Сокодовъ сказалъ нѣсколько прощальныхъ словъ почившему, передалъ ему поклонъ отъ его родственниковъ, друзей и почитателей, приславшихъ изъ разныхъ концовъ Россіи телеграммы и земно поклонился отъ себя лично *); о. Инспекторъ посыпалъ тѣло почившаго землею; пѣвчіе запѣли „вѣчную память“... Крышку забили, и бѣлый гробъ тихо начали спускать на полотнахъ въ свѣжую, глубокую глинистую могилу **); пѣвчіе запѣли „Святый Боже“. При пѣніи гробъ медленно сталъ покрываться землею, бросаемою руками учениковъ и сослуживцевъ почившаго... Присутствующіе начали расходиться

*) Рѣчь о. инспектора семинаріи и преподавателя свящ. Н. Лѣтницаго, напечатаны въ № 23 А. Е. Вѣд., остальные напечатаны ниже.

**) Усопшіи погребены въ простой могилѣ, согласно выраженному имъ взгляду на это, еще до болѣзни.

ся. Остались у могилы о. Инспекторъ и соборный Ключарь, дожидавшіеся, когда могила сравняется съ поверхностью земли. На колокольнѣ раздавался трезвонъ... Въ 4 часа дня осиротѣлыя преподаватели и воспитанники вернулись съ погребенія. Воспитанники пошли на поминальный обѣдъ въ свою столовую, а преподаватели собрались въ квартирѣ умершаго о. Ректора. И тѣ и другіе помолились о почившемъ и сѣли за скромную трапезу, вспоминая о дорогомъ покойникѣ. Тихо разошлись они послѣ трапезы за обычныя свои занятія. За вечерней молитвой о. Инспекторъ прочиталъ воспитанникамъ телеграммы Сенатора В. К. Саблера и преосвящ. Уфимскаго Антонія, соболѣзнуюющихъ о кончинѣ о. Ректора, обративъ вниманіе учениковъ на то, какого начальника они лишились. Воспитанники внимательно выслушали соболѣзнованіе постигшему ихъ горю и пропѣли почившему „вѣчную память“ *). Такіе же молитвы совершались по покойномъ о. ректорѣ и въ другихъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Вѣчная память самотверженному труженнику, ревностному насадителю истины, добра и правды и вѣрному носителю ангельскаго образа!

Свящ. С. Покровский.

Р Ѣ Ч Ъ.

на пишхидѣ, совершеной 25 Нолбря отъ Епарх. Учил. Совѣта, произнесенная спархіальнымъ наблюдателемъ священникомъ Ѡ. Архангельскимъ.

Почившій собратъ нашъ о Христѣ,
священно-архимандритъ Кирилль!

Господь Богъ отовзвалъ тебя отъ насъ; тѣло твое входитъ въ землю, а духъ отходитъ къ Господу, Который далъ его. Мы воздаемъ тебѣ послѣдній долгъ, молитвенное надгробное прощаніе, а съ молитвою, въ добрую память о тебѣ, произнесутся и прощальныя привѣт-

*) Семинарская корпорація и почтатели о. ректора предполагаютъ соорудить весною на могилѣ почившаго приличный памятникъ.